

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное образовательное учреждение высшего
образования

«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Выпускающая кафедра общего языкознания

Чао Мужилигэ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: «Способы выражения антонимичной эстетической ценности
“Безобразия” в романе А.П. Степанова “Тайна”»

Направление подготовки 45.03.02 Лингвистика

Направленность (профиль) образовательной программы. Перевод и
переводоведение.

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ:

Заведующий кафедрой
канд.филол.наук, доцент Мамаева Т.В.

(дата, подпись)

Руководитель
доцент филол. наук, доцент Бурмакина Н.А.

(дата, подпись)

Дата защиты 25 июня 2022 г.

Обучающийся Чао Мужилигэ

(дата, подпись)

Оценка _____

Красноярск 2022

Оглавление

Благодарность.....	3
Введение.....	Ошибка! Закладка не определена.
Предисловие.....	6
Глава 1. Эстетические ценности и оценка.....	7
1.1. Понятие «ценности» и «оценка». Экспликация оценок.....	7
1.2. Смысловой объем общеоценочных значений.....	Ошибка! Закладка не определена.6
1.3 Семантическое поле.....	Ошибка! Закладка не определена.
Глава 2. Способы выражения вербализованной антонимичной эстетической ценности «Безобразия».....	29
2.1. Эксплицитное выражение антонимичной эстетической ценности «Безобразие».....	Ошибка! Закладка не определена.36
2.2. ИмPLICITное выражение антонимичной эстетической ценности «Безобразие».....	Ошибка! Закладка не определена.
Заключение.....	Ошибка! Закладка не определена.4
Список литературы.....	4946
Используемые источники.....	49

Благодарность

Хочу выразить глубочайшую благодарность своему научному руководителю, с огромным и ценным опытом, который всячески мне помогал и поддерживал на период всего написания дипломной работы. За все это время на моем пути было много препятствий и трудностей, но благодаря значительной поддержке, мне удалось благополучно все преодолеть.

Кроме того, хочу поблагодарить всех своих преподавателей КГПУ им. В.П. Астафьева за прекрасные возможности в обучении, знания и опыт, которые я буду использовать в дальнейшем на работе и в жизни.

Введение

Главные вопросы этой работы посвящены анализу языкового выражения отрицательной эстетической ценности «Безобразия» в романе «Тайна» первого Енисейского губернатора Александра Петровича Степанова. Оценки и ценности в определенные периоды всегда подвергаются переменам. Однако выбранное для анализа понятие «безобразия» представляет собой отрицательную форму эстетического освоения мира человеком, оно подавляет созидательные и познавательные способности личности, поэтому выражает противоположность эстетическому идеалу.

Первый гражданский губернатор Енисейской губернии, писатель Александр Петрович Степанов был незаурядной личностью, результаты его художественного творчества составляют историю литературного процесса Российской империи, однако не все его творения получили всенародное признание. Его натура была энергичной и творческой, а его предприимчивость позволила ему стать одним из участников альпийского похода Александра Васильевича Суворова и превратить уездный Красноярск в развитый губернский город.

Объектом исследования является выраженная средствами языка доминанта «Безобразия» как эстетическая ценность, которая находится в противопоставлении по отношению к ценности «Красота» в художественном тексте А.П. Степанова.

Предметом исследования являются языковые средства явного (эксплицитного) и неявного (имплицитного) выражения значений эстетической ценности в языке XIX века и в художественном тексте «Тайна» А.П. Степанова.

Цель – провести анализ языкового выражения доминанты «Безобразия» в романе первого Енисейского губернатора XIX века Александра Петровича Степанова «Тайна».

Для достижения цели мы поставили перед собой следующие задачи:

1. Изучить теоретический материал по теме исследования.
2. Выявить эксплицитное выражение эстетической ценности “Безобразия”.
3. Выявить имплицитное выражение эстетической ценности “Безобразия”.

Источник исследования: роман Степанова А.П. «Тайна».

Предисловие

Оценочные значения и средства их выражения – необычайно широкая тема, издавна привлекавшая внимание сначала философов, а затем и лингвистов. Мы же рассмотрим один её узкий аспект – процесс формирования оценочных значений, причём только в русской признаковой лексике. Но зато мы постараемся сделать это максимально подробно, изучив интересующий нас процесс на материале 300 наиболее частотных признаковых лексем. Тем самым, мы надеемся показать, какое место занимает этот механизм в системе языка и насколько обширные пласты лексики он охватывает.

Общая проблема описания процесса формирования оценочных значений включает несколько составляющих. Во-первых, необходимо определить, какие признаковые лексемы могут подвергаться действию этого механизма. Во-вторых, важно рассмотреть, каковы особенности приобретённых оценочных значений и зависят ли они от исходной семантики лексемы. И, наконец, в-третьих, требуется описать, как происходит сам процесс приобретения оценочного значения: посредством каких семантических сдвигов и в каких контекстных условиях.

Глава 1. Эстетические ценности и оценка

1.1. Понятие «ценности» и «оценка». Экспликация оценок

Эстетическая ценность – это явление, сущность которого – главная и выдающаяся важность всей полноты и всесторонности эстетического, которая содержится в эстетическом предмете либо объекте, для эстетического субъекта. В целом эстетическая ценность — это совокупность эстетических свойств и качеств объекта или предмета и развитого эстетического потенциала. Области обнаружения эстетической ценности разнообразны. Это может быть различные формы человеческой деятельности, природа, людские взаимоотношения и сам человек в целом, искусство и тому подобное. Исходя из этого можно выделить существование разных типов эстетических отношений, которые связаны с общей степенью чувствительности и восприимчивости человека. Важно находить различие между неактивным созерцательным эстетическим отношением и активным, которое влияет на преобразование окружающего мира и самого человека. Сама по себе ценность в обычном смысле понимается и принимается как значимость и смысл предметов для человека. Эстетическая ценность предмета выступает в первую очередь от структуры, качества, свойствах и в том, насколько данный предмет важен и отвечает потребностям и интересам человека. В основу эстетической ценности входит отношение человека к предмету или явлению.

История эстетики насчитывает много веков. В ходе развития этой науки менялись не только эстетические взгляды, но и круг изучаемых ею вопросов, сам ее предмет. То эстетика была частью философии и служила созданию картины мира в целом (греческие натурфилософы, пифагорейцы), то затрагивала проблемы поэтики и общеполитические вопросы природы искусства и красоты (Аристотель), то присоединяла к этому кругу проблем вопросы государственного контроля над искусством и роли последнего в воспитании человека (Платон), то

близко соприкасалась с этикой (Сократ), то оказывалась одним из разделов богословия (Тертуллиан, Фома Аквинский), то ее предметом становилось соотношение природы и искусства (Леонардо да Винчи), то она занималась изучением особенностей чувственного пути познания мира в искусстве (Баумгартен), то предмет эстетики суживался до «обширного царства прекрасного», строго говоря, до «искусства, и притом не всякого, а именно изящного искусства» [Гегель, 1938:1], то эта наука расширяет свои рамки до рассмотрения всего многообразия эстетического отношения человека к действительности (Чернышевский) [Борев,1975: 8-9].

Природа эстетического и его многообразие в действительности и в искусстве, принципы эстетического отношения человека к миру, сущность и закономерности искусства – таковы основные вопросы этой науки. Она выражает систему эстетических взглядов общества, которые накладывают свою печать и на искусство, и на весь облик материальной и духовной деятельности людей [Борев,1975: 9].

Сфера эстетического является одной из объединяющих человечество во всех исторических измерениях. Есть нечто в космоантропном бытии, что не устаревает со временем, что не исчезает по желанию людей, что относится к их сочности, даже если они не признают ни каких сущностей. Есть некие универсалии взаимоотношений человека и Мира, сохраняющие свою значимость на протяжении практически всей истории человека как существа цивилизованного. Именно к таким сущностным характеристикам космоантропного бытия и принадлежат сферы эстетического, проникновением в которую, изучением которой занимается наука эстетика. Понятно, что на каждом этапе истории культуры существуют конкретные формы бытия, реализации, актуализации этой сферы, свои, отличные от форм, характерных для других культурно-исторических этапов, и соответственно – иные формы их изучения и описания. Сегодня мы как раз находимся в стадии активного и глобального

перехода от одной формы цивилизованного процесса к другой, т.е. в ситуации, когда претерпевают радикальное преобразование многие универсалии культуры и, как следствие, формы и способы их изучения и описания. Эстетика и феномены, изучаемые ею, не являются здесь исключением. Однако это отнюдь не означает, что они утрачивают свою важность для человека [Бычков, 2006: 6-7].

Эстетический процесс активного взаимодействия субъекта с объектом ведет к формированию того, что известный польский эстетик XX века Р. Ингарден (1893-1970) назвал «эстетическим предметом». Так он обозначил сугубо интенциональный предмет, т.е. идеальный продукт деятельности сознания (в философском смысле), возникший в процессе восприятия эстетическим субъектом эстетического объекта, или, как пишет Ингарден, предмет, формулирующийся в результате эстетического переживания. Фактически этот идеальный образ эстетического объекта, возникший в духовном мире субъекта на его основе, но не идентичный ему, и реально участвующий в эстетическом акте (например, в акте эстетического восприятия). Понятно, что «эстетический предмет» не следует смешивать с «предметом эстетики», хотя он и входит, естественно, в качестве одного из компонентов в поле науки.

Итак, эстетический предмет – это тот идеальный, как правило образный продукт, который формируется в процессе эстетического переживания во внутреннем мире субъекта и как бы накладывается на реальный эстетический объект (по Ингардену).

Практически параллельно с Ингарденом (возможно, при взаимном влиянии) в те же 1930-1940 – е гг. и близко феноменологическом смысле на понятие «эстетический предмет» строит свою «Эстетику» как завершение онтологии немецкий философ Н. Гартман (1882-1950). В его понимании эстетический предмет – это в общем случае некое объективно существующая целостность, состоящая из двух теснейшим образом взаимосвязанных «слоёв» :

1) чувственно воспринимаемой реальности (например весеннего пейзажа в природе или живописной картины) и 2) проступающего за ней «ирреального другого», которое тоже «существует предметно», но «является» (это именно явление по Гартману) только на основе данной чувственно воспринимаемой реальности и исключительно в акте её эстетического созерцания конкретным эстетическим субъектом, существует только для него, открывается только ему в личном «откровении» [Бычков, 2006:167].

Именно с эстетическим предметом Ингарден и Гартман связывают понятие «эстетическая ценность», полагая, что она является объективной качественной характеристикой эстетического объекта и не зависит от «вкусов» конкретных эстетических субъектов. Если ценность в философском смысле – это нечто, сущностно значимая для человека, то эстетическая ценность — это нечто, эстетически значимое в смысле эстетического. Традиционно эстетически ценное обозначалось в культуре как прекрасное, и именно комплекс качеств объекта вызывающих ощущения прекрасного, Ингарден прежде всего и имеет в виду, говоря об объективности эстетической ценности, актуализирующийся в интенциональном эстетическом предмете эстетическая ценность является особым эстетическим качественным моментом или комплексом ценностных качеств, осевших на эстетическом предмете [Бычков, 2006: 168].

Гартман так же использует для обозначения эстетической ценности категорию прекрасного, вкладывая в неё более широкий смысл, близкий у тому, что современная эстетика обозначает категорией эстетического. Понятно, что эстетическая ценность эстетического предмета не поддаётся вербализации, а только проявляется в конкретных актах восприятия, или, согласно Ингардену, осуществляется конкретизация эстетического предмета. И вот эти – то частные «конкретизации» уже существенно зависят от эстетического субъекта и ситуации восприятия, а соответственно и степени освоения им эстетической ценности, потенциально содержащийся в эстетическом предмете. Реципиент в зависимости

от уровня своей эстетической культуры может конкретизировать все эстетические качества, присущие эстетическому предмету, а может - только какую – то часть их [Бычков, 2006:169-170].

Философская дисциплина, исследующая категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений, называется аксиология. Начиная с Г. Лотце, понятие ценностей – эстетических, моральных, религиозных – становятся общезначимыми единицами философской лексики [ФЭС, 2004: 22].

Аксиология – учение о ценностях, философская теория общезначимых принципов, определяющих направленность человеческой деятельности, мотивацию человеческих поступков [Словарь-справочник «Человек и общество», 1996: 16].

Категорию «ценность» в философии определяют следующим способом: «Ценность» - то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием. Разнообразие оценок объясняется множеством человеческих потребностей и способов мировосприятия. Выделяют позитивные и негативные ценности, относительные и абсолютные, субъективные и объективные. Также в структуре системы ценностей по содержанию выделяют вещные ценности, логические, этические, эстетические: приятное, полезное, пригодное; истина, добро, прекрасное» [ФЭС. 2004: 507].

Близко к «ценности» такое понятие, как «оценка». «Оценка» - в философии - отношение к социальным явлениям, человеческой деятельности, поведению, установление их значимости, соответствия определенным нормам и принципам морали (одобрение и осуждение, согласие или критика и т. п.). Определяется социальной позицией, мировоззрением, уровнем культуры, интеллектуального и нравственного развития человека. С другой стороны, учет мотивов, средств и

целей действия, его условий, места в системе поведения личности - необходимое условие правильной оценки этого действия [Большой энциклопедический словарь, 2000:157].

Арутюнова Н.Д. считает, что если вывести мотивы (основания) оценки за пределы ее значения, то оценочные предикаты не оставляют места для семантического анализа. Однако их содержание постоянно является точкой приложения аналитических усилий философов, логиков и лингвистов [Арутюнова, 1999:183]. В нашей стране одной из первых обратилась к изучению оценочного значения Е.М. Вольф. Смыслом оценочных слов в случаях их конкретного употребления интересуются и сами говорящие. Их интерес вызван неясностью критериев оценки. Между тем и сами принципы выбора критериев могут быть установлены с достаточной степенью определенности. Они в большей мере зависят от принципов выделения классов объектов. Объект понимания – величина постоянная. Интерпретация направлена на переменный смысл слов в высказывании и самих высказываний. Правильное понимание высказывания не исключает его неверной интерпретации. Оно также совместимо с непониманием коммуникативного смысла сообщения. В той мере, в какой оценка выражает отношение говорящего к объекту (то есть в своем субъективном аспекте), она подлежит пониманию; в той мере, в какой она квалифицирует сам объект, она нуждается в интерпретации. Понимание оценочных предикатов не требует особых усилий, их интерпретация может затруднить. Поэтому в языке существует серия стандартизованных вопросов, цель которых – конкретизировать мотивы оценки. Вместе с тем редко требуют интерпретации предикаты восторга и возмущения. Хотя и они имеют общеоценочный смысл. Никто обычно не интересуется мотивами оценок, выраженных такими прилагательными, как *замечательный*, *изумительный*, *чудесный*, *сладостный*, *прелестный*, *отвратительный* и пр. Это психологический аналог вкусовых оценок, основание которых коренится в не

поддающихся экспликации ощущениях. Если объект эмоционально нейтральной оценки известен обоим собеседникам, то запрос об интерпретации оценки не ставится. Мотивы оценки различны для разных категорий объектов. Указание на критерии употребления оценочных предикатов приводит к таксономии ценностей [Арутюнова, 1999: 183-187].

В книге «Язык и мир человека» Арутюновой Н.Д. представлена классификация оценок (система ценностных концептов фон Вригта), в которой говорится, что в ранних работах по этике и аксиологии обычно выделялись немногие виды оценок. Общая классификация у Аристотеля сводится к трем основным типам:

1. Внешние блага
2. Блага, относящиеся к душе
3. Блага, относящиеся к телу [Аристотель, 1984: 66].

Исследователь Арутюнова Н.Д. аксиологические значения в языке представляет двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным. Первый тип реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*прекрасный, превосходный, великолепный, отличный, замечательный, скверный, нехороший, дурной, поганый, худой*). Эти прилагательные выражают холистическую оценку, аксиологический итог. Вторая группа более обширна и разнообразна. В неё входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. В предлагаемой классификации принят характер основания оценки, ее мотивации.

Частнооценочные значения могут быть разделены на следующие категории:

1. Сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки (*приятный – неприятный, душистый – зловонный* и др.); это наиболее индивидуальный вид оценки;

2. Этические оценки (*моральный – аморальный, добродетельный - порочный*)
3. Утилитарные оценки (*полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный*)
4. Нормативные оценки (*правильный – неправильный, нормальный – аномальный*)
5. Телеологические оценки (*эффективный – неэффективный, удачный – неудачный*)
6. Эстетические оценки, вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (*прекрасный – безобразный, красивый – некрасивый*)
7. Психологические оценки, в которых сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки:

А) интеллектуальные оценки (*интересный, увлекательный, банальный, глупый*)

Б) эмоциональные оценки (*радостный - печальный, желанный – нежеланный*)

Перечисленные категории образуют три группы. В первую группу входят сенсорные оценки, то есть оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим. Вторую группу образуют сублимированные оценки. К ним относятся две категории: эстетические и этические оценки. Они возвышаются над сенсорными оценками, «гуманизируют» их. Первые связаны с удовлетворением чувства прекрасного, вторые с удовлетворением нравственного чувства. Эти два вида чувствований составляют ядро духовного начала человека, моделируемое, в соответствии с его телесной ориентацией, по вертикали. Не случайно в эти виды оценки вовлечены метафоры и интенсификаторы «высоты» и «низости» (*высоконравственный человек, низкие цели, высокие идеалы, низкие личности*). Эта группа оценок небезразлична к понятию архетипа – нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту. При этом положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность. Эстетическое чувство не может быть

удовлетворено стандартом. Высокая эстетическая оценка имплицитно подразумевает уникальность произведения искусства. Между тем положительная этическая оценка в общем случае требует ориентации на этическую норму, соблюдения нравственного кодекса, то есть большего или меньшего количества правил и заповедей. Последние три разряда входят в группу рационалистических оценок. Эти оценки связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека. Основное синтаксическое различие между обще- и частнооценочными значениями состоит в том, что общие оценки могут выступать как в функции модального оператора, в сферу действия которого входят пропозиции, так и в функции предиката, пригодного для характеристики объектов разных видов. Между тем частнооценочные значения обслуживают в основном вторую из названных функций [Арутюнова, 1999: 198-200].

Эксплицитность коммуникации требует сообщения мотивов оценки. Нормативные ситуации однотипны. Во всяком случае, они менее разнообразны, чем отрицательные. Отклонений от нормы может быть сколь угодно много. Оценка ситуации как хорошей, так и плохой делается таким образом, на несколько отличающихся основаниях: для общехорошего достаточно отсутствия частноплохого, общеплохое предполагает наличие частноплохого. Тем самым отрицательные оценки с большей настоятельностью требуют конкретизации. Наиболее интересный и сложный случай представляют собой высказывания со значением эстетической, отчасти этической и вкусовой, оценки. Мотивы этих видов оценки с трудом поддаются экспликации. В языке часто вовсе нет дескриптивных предикатов для обозначения тех свойств объекта, которые мотивируют оценку.

Когда речь идет об эстетике, она воспитывает вкусы; когда речь идет об этике, она воспитывает нравственность [Арутюнова, 1999: 204-207].

1.2. Смысловой объем общеоценочных значений

Общая оценка присуждается по совокупности признаков. Возможность одинаковой оценки различающихся между собой представителей одного функционального (специализированного) класса в большей степени проистекает из того, что к одной цели могут вести разные пути. Результат не имплицитно подразумевает однозначно способ его получения. Оценка нивелирует эти различия. Она не задает дескриптивных характеристик объекта.

В целом положительные свойства, равно как и отрицательные, взаимонезависимы. Но между теми и другими часто складываются отношения достаточно регулярной совместной встречаемости. Итак, признаки, мотивирующие оценки, не только вариативны, но нестабильны сам их объем, а также характер свойств, оставшихся вне его пределов. Немалую роль в выведении общей оценки играют и те черты объекта, которые входят в понятия хорошего и плохого, и те, которые в это понятие не могут войти по той причине, что они имеют противоположный аксиологический знак. Положительная оценка предполагает не только наличие у объекта тех или других достоинств, но также и то, что их общий «вес» превосходит «вес» отрицательных свойств. Точно так же отрицательная оценка объекта указывает не только на его изъяны, но и на то, что имеющиеся позитивные качества недостаточны для того. Чтобы их компенсировать. Действующая в этой области система паритетов (она весьма субъективна) не сводится к численному соотношению. Она связана с иерархией ценностей, в которой внешним достоинствам придается меньший вес, чем внутренним качествам [Арутюнова, 1999: 200-204].

1.3. Лексико-семантическое поле

Одна из задач лексической семантики состоит в описании системы лексических значений. В процессе такого исследования устанавливаются отношения между значениями различных слов. Значение слова при таком

подходе определяется не как самостоятельная единица, а как совокупность отношений с другими значениями. Одной из форм частичного решения этой задачи является описание отдельных семантических полей. Хотя понятие семантического поля может в принципе включать и другие языковые единицы (например, словосочетания), классическое семантическое поле объединяет именно лексемы и лексико-семантические варианты [Кронгауз, 2005:130].

Семантическое поле — обширное объединение слов, связанных по смыслу, обуславливающих и предопределяющих значения друг друга. Семантическое поле отражает связи и зависимости между элементами действительности — объектами, процессами, свойствами, поэтому естественно включает в себя лексику значимых частей речи — имен существительных, прилагательных, глаголов. Каждое семантическое поле имеет семантическое ядро — определенное понятие, выраженное словом, называемым «архилексемой поля», вокруг которого группируется лексика, формирующая центр и периферию поля. Так, вокруг архилексемы *вода* формируется семантическое поле, отражающее такие системноорганизованные фрагменты действительности, как «водоемы и их части» (*море, ручей, река, омут, приток, исток*); формы существования воды, определяемые характером и способом ее движения» (*водопад, водоворот, каскад, всплеск, волна*); «характер и особенности движения воды» (*литься, течь, струиться, плескаться, брызнуть*); «характерные движения, производимые в воде, связанные с водой» (*купаться, плавать, нырять, наводнять, обливать*) и др. Семантическое поле обладает сдвоенной структурой: на первичное поле (денотативное, исходное), отражающее реальные связи и зависимости между элементами действительности (*течет вода, всплеск воды, утонуть в воде, капля жидкости, кипит вода, плывет лодка*), налагается поле вторичное, отражающее метафорические связи и социальные, интеллектуальные и духовные сферы (*течет толпа, мысль, всплеск огня, негодования, утонуть в делах, плывут воспоминания, море радости, кипит работа, капля жалости*).

Каждое семантическое поле может быть представлено как относительно замкнутая и единая система, единство которой создается и поддерживается системными отношениями, свойств лексической системе. В то же время каждое семантическое поле как единица лексической системы языка связано с другими полями и проницаемо для их элементов [Караулов, 1976: 142]. Идея пересечения семантических полей, их открытости и взаимодействия привела к концепции семантической непрерывности лексики, согласно которой в лексической системе языка все элементы связаны непосредственно или опосредовано связями (Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов).

«Лексико-семантическое поле – понятие весьма емкое. Здесь перекрещиваются главные проблемы лексикологии – проблемы синонимии, антонимии, полисемии, проблема соотношения слова и понятия. Решение задач, связанных с семантическими полями в лексике, позволяет по-новому освещать перечисленные проблемы» [Караулов, 1976: 69].

Ахманова О.С. рассматривала семантическое поле (англ. Semantic field) как:

1. Частица («кусочек») действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы;
2. Совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значений [Ахманова, 2010: 121].

Понятие семантического поля получило большое распространение, число конкретных исследований постоянно растет, в теорию поля вносятся добавления и уточнения. Теория поля все больше связывается с определенной классификационной системой словарного состава, который расчленяется на упорядоченные по отношению друг к другу большие и малые группы.

Ключевыми в описании семантического поля считаются понятия интегрального и дифференциального признаков. Для семантического поля

определяется некий конституирующий его смысл, т.е. смысл, общий для всех слов данного поля, который и называется интегральным семантическим признаком. Его можно считать конституирующим, так как, по существу, именно этот признак и задает семантическое поле. В состав данного семантического поля в принципе должны быть включены все слова, которые обладают данным смыслом, т.е. включают его в свое толкование. Впрочем, на практике исследователь может прибегать к различным ограничениям или, например, задавать поле путем списка слов, в него входящих. Кроме того, для семантического поля следует задать дифференциальные признаки. Как правило, под дифференциальными признаками понимаются те смыслы, которые присущи лишь части слов и с помощью которых значения слов данного семантического поля могут быть различны. Иногда действительно речь идет о признаках в строгом смысле слова, принимающих те или иные значения. Минимальным описанием поля будет такой набор признаков, при котором различены все слова (естественно, кроме полных синонимов, слов с полностью совпадающим значением). Иначе говоря, семантика слов описана с точностью до их различения. Так, чтобы описать множество из четырех слов рюмка, стакан, стопка, чашка, понадобится два или три дифференциальных признака. Интегральным признаком следует считать такой смысл: «посуда, предназначенная для питья» [Кронгауз, 2005: 129-130].

Тем не менее, семантическое поле остается наименее исследованной единицей лексики. До сих пор в языкознании не определены строгие границы применения термина семантическое поле. Им часто обозначаются разные объединения слов. Во многих исследованиях объем понятия поля оказывается неопределенно широким или, наоборот, очень узким. Нет единообразия в употреблении терминов.

Семантическое поле является крупной системно-структурной единицей лексико-семантической системы языка, оно объединяет не только единичные

языковые элементы (одиночные лексемы, лексико-семантические варианты) на основе общего интегрального признака, но и различные лексические парадигмы разного уровня и объема, таким образом, каждая единица поля предстает в нем во всем парадигматическом комплексе.

Семантическое поле как особая языковая система обладает сложной языковой структурой. Структурный каркас поля образуется совокупностью всех парадигматических группировок. Парадигматические отношения могут носить самый разнообразный характер и могут быть представлены разнообразными классами лексических единиц, тождественных по тем или иным смысловым признакам. Парадигматические отношения отличаются не однолинейностью, так как одно и то же слово может одновременно входить в различные лексико-семантические парадигмы, то есть в различные ряды, слова в которых противопоставлены друг другу по каким-то определенным семантическим признакам.

Так, Ю.М. Караулов пишет о необходимости «разделить различные сферы словарного состава на семантические поля (например, поле «*радость*»), лексико-семантические группы (например, группа слов со значением «изменение»), тематические группы (например, «наименования птиц»), синонимические ряды (например, ряд с инвариантным значением «храбрый»), ономаσιологические группы (например, выражение понятия «время» существительными в русском языке) [Караулов, 1976: 148].

Под полем понимается - совокупность языковых (лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда, также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений.

На возможность существования разных типов лексических объединений учёные обратили внимание ещё в XIX веке (М.М. Покровский), некоторые особенности полевой структуры лексики были отмечены при построении

тезаурусов (П. Роже, Ф. Дорнзайф, Р. Халлиг, и В. фон Вартбург). Первоначальное теоретическое осмысление понятия «поле» в языке содержалось в работах Й. Трира, Г. Ипсена, где оно получило наименование «семантическое поле». Для семантического поля постулируется наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением (архилексемой), например, признак *«перемещение в пространстве»* в семантическом поле глаголов движения: *«идти»*, *«бежать»*, *«ехать»*, *«плыть»*, *«лететь»* и т.п., и наличие частных (дифференциальных) признаков (от одного и более), по которым единицы поля отличаются друг от друга, например, *«скорость»*, *«способ»*, *«среда»* передвижения. Интегральные семантические признаки в определенных условиях могут выступать как дифференциальные. Например, признак *«отношение родства»*, объединяющий термины родства *«отец»*, *«мать»*, *«сын»*, *«дочь»* и т.п., становится дифференциальным при переходе к семантическому полю, включающему обозначения и другие отношения между людьми типа *«коллега»*, *«попутчик»*, *«однокашник»*, *«начальник»* и т.п. В этом проявляется один из видов связи семантического поля в лексике (иерархическая). О взаимосвязи семантических полей в пределах всего словаря свидетельствует также принадлежность многозначного слова к различным семантическим полям. Таким образом, семантические поля характеризуются связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц, относительной автономностью поля, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка. Структура семантических полей обычно исследуется методами компонентного анализа, оппозиций, графов, комбинаторным методом и другими ». [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 380-381].

Понятие «поле» уточняется Г.С. Щуром, который его определяет как «способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами» [Щур, 1974: 85]. Лексический состав языка непосредственно отражает внеязыковую действительность; в словаре проявляются не только собственно языковые факторы, обусловленные отношением лексем друг к другу, но и внеязыковые условия, которые определяют содержание и функционирование слов. Поскольку каждый язык «по-своему» выделяет и группирует явления реальной действительности, постольку «внеязыковые» моменты во многом оказываются тесно переплетенными с «собственно языковыми» и изолированное рассмотрение последних по существу невозможно [Шмелев 1973: 87]. Тематической классификации поддаются в основном имена существительные. В значении конкретных существительных превалирует денотативное содержание, соотносимое с предметами материального мира. Поэтому основанием для классификации и описания конкретных существительных является отнесенность слов к определенной предметной области, тематической сфере, т.е. экстралингвистические факторы. Значения конкретных существительных относительно автономны, независимы от других членов класса лексем. Тематические группы - это объединения лексем, обозначающих определенную предметную сущность. Выделение этих групп основано на внеязыковых критериях, поэтому, как правило, у членов рассматриваемых рядов может не быть общих семантических признаков. Ф.П. Филин справедливо указывает на «нейтральные» или «нулевые» связи между словами, входящими в тематические группы [Филин, 1957: 523-538].

Чаще всего в составе тематических групп реализуются родовидовые связи денотатов, например: мебель - шкаф, стол, стул. Между родовым и видовым понятиями существуют инклюзивные отношения, т. е. отношения включения. В значении членов тематической группы имплицитно содержатся два

семантического признака: обобщающий, интегрирующий, например, «одежда» и дифференцирующий, который отграничивает один экземплирующий член ряда от другого (юбка, свитер, штаны). Элементы тематических групп могут быть связаны как целое и его части. Ср.: лицо - щека, подбородок, глаза, губы. Нередко в качестве интегрирующего компонента значения выступает общая функция членов тематической группы. Например, существительные «дом», «квартира», «изба», «коттедж» объединяются по общей функции - они обозначают жилище человека. В подобных случаях можно говорить о функциональных группах как особой разновидности тематических групп [Щур, 1974: 114]. Характеристику парадигматических групп дает Д.Н. Шмелев. Он отмечает, во-первых, что «парадигматические отношения между словами зависят от отношений, существующих между самими предметами действительности. Будучи отражением группировки самих предметов, действительности, подобные объединения слов обнаруживают, однако, целый ряд таких особенностей, которые определяются свойствами конкретного языка». Во-вторых, по его мнению, «парадигматические отношения в лексике не только многоступенчаты, но и не однолинейны. Многие слова одновременно могут входить в разные лексико-семантические парадигмы: каждый существенный элемент лексического значения (семантический признак), поэтому и выделяется как существенный для данного значения, что обусловлено определенным - парадигматическим противопоставлением слову какого-то другого слова или нескольких слов» [Шмелев, 1973: 120].

В работах Д.Н. Шмелева также указывается на факт неоднородности совокупностей лексем. По его мнению, группы слов, выделяемых на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками, иначе говоря, многие тематические группы слов оказываются при ближайшем рассмотрении

также и лексико-семантическими группами. Д.Н. Шмелев подчеркивает, что «внеязыковые» моменты во многом оказываются тесно переплетенными с «собственно языковыми» и изолированное рассмотрение последних по существу и невозможно» [Шмелев, 1973: 125]. Д.Н. Шмелёв замечает, что грамматические классы слов не однотипны в плане возможности их системной классификации. Так, глагольная лексика, которая в силу своего категориального значения указывает на ситуацию, характеризуется наибольшим количеством собственно языковых показателей. Связи же конкретных существительных друг с другом в наибольшей степени отражают именно внеязыковые связи, т.е. обусловлены реальными связями самих обозначаемых ими предметов. По-видимому, только учет всех отношений, существующих в словарном составе языка, позволит оценить подлинную сущность тех или иных показателей, так же, как и особенности организации различных групп слов [Шмелев 1973: 128]. Выделение тематических групп находится в зависимости, прежде всего, от задач исследования: группы могут быть более широкими и более узкими, одни и те же слова могут попасть в различные группы в зависимости от того критерия, который будет положен в основу выделения тематической группы, выбор же критерия не дан в самом лексическом материале, а зависит во многом от субъективной воли исследователя.

Вопрос о том, что является семантическим идентификатором поля, является спорным. Существует два основных подхода к выделению семантических полей в лексике: первый, логический подход, при изучении поля исходит из понятия, второй, лингвистический, - из языка (Караулов, 1976; Долгих, 1973). Логический (концептуальный) подход предполагает анализ структуры определенной понятийной сферы, которой соответствует словесное поле. При лингвистическом подходе семантические поля выделяются не на понятийной, а на языковой основе. При этом семантическое поле трактуется как совокупность слов, находящихся в свободных связях по линии их лексических значений в тот или

иной исторический период времени. Слова, конституирующие такие объединения, связаны или парадигматическими или синтагматическими (синтаксическими) отношениями. Задачей исследования в этом плане является определение характера семантических связей между словами поля, их разграничение и выделение тех из них, которые подлежат дальнейшему анализу [Долгих, 1973: 89-98].

Представляется, что в структуре семантического поля отражаются языковой и концептуальный аспекты. Вряд ли целесообразно резко противопоставлять лексико-семантические и понятийные элементы в составе поля. Основное назначение семантического поля, его основная функция заключается, прежде всего, в адекватном языковом отображении определенного участка действительности, очерченного именем поля (его понятийным содержанием) и конкретизированного с максимальной полнотой его элементами. Семантическое поле, таким образом, оказывается связанным с миром действительности посредством слов, его составляющих. Соотношение слова с действительностью в свою очередь осуществляется через его денотативное и сигнификативное значения: денотат называет класс реальных, обозначенных, словом, сигнификат указывает на наиболее существенные признаки однородных реальных.

Двигаясь при описании лексики через поле к языковому понятию, мы на пути обобщения отдельных значений получаем набор основных понятий, которые определяют членение лексического состава языка. Эти основные понятия можно рассматривать и как семантические компоненты, с помощью которых можно описать содержательную сторону словаря.

Понятийные категории эксплицируются на разных языковых уровнях. Поэтому способы их выражения различны: это и лексические средства, и словообразовательные, и морфологические, и синтаксические аспекты, которые, объединяясь на основе общего функционального назначения, составляют

функционально-семантическое поле. К основным понятийным категориям, которые находят отражение в языке, относятся действие, состояние, количество, время, локальность и т.д. Основу многих функционально-семантических полей (категорий) составляют лексические средства, которые объединяются в лексико-семантические поля. Неслучайно в последние годы при анализе семантических полей используется принцип функциональности. Еще Г.С. Щур высказывает мысль о функциональной основе семантических полей.

Основу лексико-семантических полей составляет объемно-понятийные категории: действие, движение, состояние, восприятие, модальность. Структура поля создается путем многоступенчатого, многократного и последовательного деления, в результате чего вычленяются сверх парадигмы типа ФСК, парадигмы типа лексико-семантического поля, под парадигмы типа ЛСГ, малые парадигмы типа синонимического ряда и парадигматические пары или биномы. Так как понятийная категория связана с различными аспектами практической деятельности человека, структура полей - понятие сложное, многомерное и гетерогенное. Так, лексико-семантическое поле действия связано с многомерностью и различными когнитивными аспектами действия - конкретными типами операции (созидание, разрушение, изменение, перемещение объекта и т.д.), орудием действия, субъектом, объектом, условиями действия, оценки и т.д. Функционально-семантическое поле места предполагает конкретизацию общей идеи, общего понятия в нескольких аспектах - событийном, ландшафтном, параметрическом. В системной организации семантического поля большую роль играют словообразовательные категории гнезда, которые являются структурными элементами семантических полей. Проблема структуризации лексико-семантического поля является очень сложной, поскольку парадигматические группы не однолинейны, а многоступенчаты. Парадигматические отношения между словами зависят от отношений, существующих между явлениями действительности. Внеязыковая

обусловленность отношений заметна в так называемой конкретной лексике, представленной объединениями слов типа мебель, части тела, средства передвижения, населенные пункты и т.д. Они отражают группировки предметов в действительности. Иной тип лексико-семантических парадигм возникает при расчленении значения его специализации при каком-то одном направлении. Ср.: *двигаться, бежать, идти, плестись, тащиться* и т.д. В системной организации семантического поля большую роль играют словообразовательные гнезда - корневые общности слов. Смысловую общность родственных слов в них выражает корень (исходное, корневое слово). Он выступает также носителем общего для всех слов поля семантического компонента. Словообразовательные гнезда - структурные элементы семантических полей. П.Н. Денисов подчеркивает, что существует целый ряд терминов, указывающих на число измерений семантического пространства языка или на число осей системы координат, позволяющих дать упорядоченное представление различных аспектов лексической системы. По его мнению, подсистемами лексики являются первые крупные деления классификационных сеток идеографических словарей: «Человек», «Вселенная», а также первые «этажи» этих подсистем: «Небо и небесные тела», «Земля», «Растительный мир», «Животный мир». Более низкие «этажи» деления могут рассматриваться как аналоги семантических полей, например, подсистема «Небо и небесные тела» делится на два обширных объединенных, находящихся в сцеплениях семантических поля: (1) небо и небесные тела; 2) погода и ветры, которые, в свою очередь, делятся на семантические поля разной степени сложности: 1) небо; 2) небесные тела; 3) погода; 4) ветры. Автор указывает на возможность сцепления семантических полей в более крупные объединения и их деления на микрополя, подчеркивая при этом, что точной терминологии здесь еще не установилось [Денисов 1993: 180-186].

Исходная определяющая единица, лежащая в основе семантических полей, детерминирует семантическую и словообразовательную деривацию его элементов, направление развертывания поля от исходной лексемы, его частеречный состав. Необходимо также учитывать роль частеречной характеристики единиц лексико-семантического поля и его главного слова. Лексико-семантическое поле как особая системообразующая единица обладает сложной и весьма своеобразной структурой, составные элементы которой связаны между собой парадигматическими отношениями. Анализируемое лексическое поле локальности многомерно, объемно. В основе организации лексико-семантического поля лежат упорядоченные классы, лексические парадигмы разного типа, структурирующие семантическое поле по вертикали и по горизонтали. Ядро лексического поля, как его семантическую доминанту, образует лексическая единица, выражающая общее инвариантное значение. Одним из основных свойств структуры лексико-семантического поля является её целостность, которая обеспечивается отношениями, предполагающими вхождение менее сложных единиц в более сложные. Центром поля локальности является многозначное слово «место». В семантической структуре этого обобщающего слова отражается весь спектр объема понятия места.

Следует отметить, что метод описания лексики с помощью семантических полей в современной семантике используется достаточно редко. Связано это в первую очередь с тем, что не существует единой удовлетворительной классификации понятий, и, следовательно, метод семантических полей не может претендовать на универсальность. Между различными семантическими полями не всегда существуют четкие границы, а отдельные слова попадают во множество различных семантических полей. Наконец, многие семантические поля не имеют строгой организации и четкой структуры. Именно поэтому в современной семантике важнее оказывается описание более простых и более регулярных семантических отношений [Кронгауз, 2005:139].

Глава 2. Способы выражения вербализованной антонимичной эстетической ценности «Безобразия»

Из числа наивысших ценностей людей, которыми считаются истина, благо и изящность, заключительная захватывает особую роль в существовании человека. Она с давних пор была объектом дискуссий, конфликтов различных суждений и взглядов. Сложно установить, когда в языке возникло представление превосходное, тем не менее установлено: исторические понятия о красоте зачастую противоречат друг другу.

Безобразное является одной из основных эстетических категорий, будучи определяемо как противоположность прекрасному. При этом сама эстетика, как наука, именно прекрасное, формы его чувственного восприятия, его существование и понимание, его оценку и его творчество в разных формах и сферах его выражения традиционно определяет в качестве своего предмета. Безобразное, так или иначе присутствующее в мире, имеет общее значение, оно также подлежит эстетическому рассмотрению, пониманию, объяснению; без обозначения соответствующих явлений и выделения их в особом способе оценки представление о мире и его понимание было бы неполным. И если расширение сферы эстетического в целом часто усложняет проблему его идентификации, проблему определения аутентичного смысла отдельных эстетических категорий, то это в равной мере и степени касается и безобразного. Безобразное в разных культурных системах может иметь разное смысловое наполнение, оно может по-разному пониматься и позиционироваться в системе восприятия мира. Но сама эта категория необходимо присутствует в эстетическом сознании, «оппонируя» прекрасному [Самохвалова, 2010: 35].

Безобразное включает в себя весьма значительную эмоциональную составляющую, применяясь в качестве оценки к весьма широкому кругу явлений, которые можно одновременно идентифицировать и как страшное, ужасное,

отвратительное и т.п. В то же время выделение безобразного предполагает у него наличие некоего собственного значения, как бы объективного содержания, на которое указывает истолкование безобразного как без-образного. Как бы подразумевается, что нечто лишилось или утратило должный (положенный ему) образ, существует как бы со сбитой исходно-образной (а значит, глубинно смысловой) «фокусировкой» [Самохвалова, 2010: 36].

И безобразное, и прекрасное обладают своей неповторимой специфичностью – на разных уровнях восприятия, интерпретации, выражения, опредмечивания разнообразного содержания действительности. С помощью этих категорий осуществляется классификация, систематизация всего богатства и многообразия явленного мира, происходит идентификация фактов и явлений в их качественной определенности и общей соотнесенности, как с другими категориями, так и с другими явлениями мира. Категории упорядочивают и организуют пространство понимания, внося определенность в его структуру, отражающую структуру мира. Выделение категорий, в свою очередь, упорядочивает и «пространство» самого сознания, которое осваивает мир во всех его проявлениях, а также и собственную свою сложную деятельность.

Безобразное во всем диапазоне его смыслов, не смотря на значение самого слова, предстает все - таки прежде всего как именно эстетическая категория (не исключая всех потенциальных уровней его толкования, возможных ввиду всеобщего характера эстетического), и оно не может быть исключено из эстетического рассмотрения, проигнорировано или же изъято из самого мира. Безобразное предполагает яркую эмоционально-эстетическую реакцию и столь же выраженную оценку [Самохвалова, 2010: 37, 39].

Категория безобразного обозначает ту область неутилитарных субъект-объектных отношений, которая связана с антиценностью, с негативными эмоциями, чувством неудовольствия, отвращения и т.п. В отличие от главных категорий эстетики эстетического, прекрасного, возвышенного, трагического,

комического, она имеет сложный опосредованный характер, ибо определяется обычно только в отношении к другим категориям как их диалектическое отрицание или как интегральная антиномическая составляющая. Наиболее активно осмысливалась в двух аспектах: безобразное в действительности и безобразное в искусстве [В.В.Бычков, 2006:217].

Безобразное отталкивает, прекрасное же способно доставить нам наслаждение одним своим видом. Определяя безобразное через отрицание или противопоставление, можно сказать, что оно антипод прекрасного. Но такое определение логически недостаточно. По Бодлеру, безобразное лицо – это лицо дисгармоничное, патологическое, не одухотворенное, лишенное света, внутреннего богатства. Что же общего у безобразного лица человека, безобразного пейзажа, безобразного поступка...? Безобразное – эстетическое свойство предметов, естественные, природные данные которых при современном уровне развития общества и его производства имеют отрицательное общественное значение, хотя и не представляют серьезной угрозы человечеству, так как заключенные в этих предметах силы освоены человеком и подчинены ему [Борев, 1975:113].

Безобразное – это негативная ценность, отрицательное эстетическое свойство мира, входящее в сферу интересов искусства и отражающееся в системе эстетических категорий [Борев, 1975: 116].

Оценивая безобразное по формальной аналогии и смысловой оппозиции с прекрасным, т.е. с позиции формы и организации, обнаруживается, что оно не вписывается в привычную логику. Иными словами, по сути это не вопрос ни формы, ни организации. Это понятие оказывается как бы не имеющим ни конкретного представления, ни возможности положительного определения. При этом феноменология безобразного и в жизни, и в искусстве весьма широка. В самом деле, у красоты есть какие-то более или менее постоянные и устойчивые признаки, своего рода каноны; но никто еще не отмечал наличия (и состава)

канонов безобразного, тех признаков, по которым можно было бы однозначно и безошибочно определить, что перед нами безобразное. Отклонений много – и они самые разные, иногда трудно даже вообразить, где и каким образом будет кардинально нарушено подразумеваемое равновесие; в проявлении безобразного нет «средней линии», есть многообразие отходов в самые разные стороны. Это онтологическое многообразие невозможно игнорировать. Не говоря уже о том, что за изображением безобразного художник действительно может скрывать какую-то свою иногда весьма неординарную мысль, невыразимую иным способом [Самохвалова, 2010: 42].

По причине этого многообразия безобразного, усугубляемого его широким пониманием и смешением с ужасным, страшным и т.п., затруднено само отнесение того или иного явления к данной категории, т.е. не существует какой-либо специальной методологии определения безобразного как такового, идентифицирующего его, как это возможно в случае с трагическим, возвышенным или низменным. Подобная размытость выступления безобразного часто оказывалась причиной того, что самим безобразным как отдельной и самостоятельной эстетической категорией мало занимались и обычно как бы попутно, в противовес прекрасному. Или же использовали данное определение не столько имея в виду его глубинное смысловое содержание, сколько в качестве эмоционального определения в соответствующем отрицательно-оценочном контексте. И хотя это в определенном отношении понятно и объяснимо, однако отнюдь не всегда справедливо. Ибо безобразное по своей феноменологии, онтологии, по своему смыслу (смыслам), глубине рождаемых ассоциаций, по силе вызываемых переживаний отнюдь не беднее прекрасного и не менее емко и интересно по своему значению и роли, а понимание безобразного и отношение к нему не менее показательны для человека, чем понимание им и отношение его к прекрасному [Самохвалова, 2010: 41-43].

Для того чтобы более четко разобраться в понятии «безобразии» необходимо прибегнуть к помощи словарей и понять точное толкование этого термина.

Этимология понятия «безобразии» имеет достаточное количество лексико-семантических вариантов. Определения можно найти в различных словарях, но так как рассматриваемое произведение А.П. Степанова относится к XIX веку, то мы обратимся к словарям этого времени.

В словаре древнего славянского языка даются такие определения: Безобразити - вести себя безобразно, дѣлатъ безобразнымь, почитать безобразнымь. –безобразіе - уродливость, нескладность. –безобразовати - безобразничать, вести себя неблагопристойно. –безобразьнь, безобразьнии - неизобразимый, не имѣющій образа. –безобразьство ср. срамь, гадость, мерзость, гнусность [Словарь древнего славянского языка составленный по Остромирову Евангелию, 1899: 80].

В словаре языка Пушкина «безобразии» характеризуется следующими контекстами, 1. Безобразие (Стыдясь своего безобразия он носил на лице сетку). Перен. (Но писатели французские поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразии может быть целию поэзии, т.е. идеалом)! 2. Безобразно (Безобразно труп ужасный посинел и весь распух). 3. Безобразность – Безобразии, уродливость. (Заметят мне, что есть же разность. Между Державиным и мной, что красота и безобразность Разделены чертой одной). 4. Безобразный – а) Некрасивый, уродливый (А я, повеса вечно-праздный, Потомок негров безобразный; Ты безобразен. Он прекрасен. В этом наряде, более свойственном её старости, она казалась менее ужасна и безобразна). б) Бесформенный, без определенных очертаний; неясный, смутный (Едва прошли сутки, и уже рѣв Терка и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания; Бесконечны, безобразны В мутной месяце игре Закружились бесы разны, Будто листья в ноябре...; Встает Руслан, на ясный день

Очами жадными взирает, Как безобразный сон, как тень, Перед ним минувшее мелькает; Другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим) [Словарь языка Пушкина, Т. I, 2000:72].

В словаре русского языка XVIII века есть такие трактовки:

I. «Безобразие» - 1. Отклонение от должного, обычного вида; отсутствие красоты, гармонии, порядка в чем-л. (<Гомер> держался одинаго... Дѣйства; а присовокуплявшися к сему не большия по по необходимости, были так сопряжены с ним, что не можно тѣх отнять от сего, не привед всего Дѣла в безобразие; Чужия слова всегда странны будут, и знаменованя их не так изъяснительны, и слѣдственно введут слабость и безобразие в сильный и прекрасный язык наш; Индѣ стягивал и подвязывал вѣтви и уменьшал чрез то безобразие оных || 2. Крайне некрасивый внешний вид кого-, чего-л. (Не надлежит презирать за безобразие лица. А многие еще, - теперь, мой друг, дивися, как часто с глупостью сходна бывает лесть – И безобразие мое мнѣ ставят в честь!) || 3. Безобразное существо, предмет; нечто безобразное (Чреватая жена должна, от всяких страшилищ и безобразий храниться; Черты лица его превращаются в безобразие, нос надувается, глаза пучутся вон). || 4. О чем-л., вызывающем неодобрение, неприемлемом, предосудительном. (Он живет воздержно, его никто не видывал в безобразии)– безвидность, непригожество.

II. «Безобразить» - делать безобразным (смѣх безобразит лицо, увеличивает рот, надувает щоки, и разпиряет ноздри; Пожалуй же не лги: Ты знаешь, как порок тольниской безобразит; Но жаль, что здѣшнія красавицы немного безобразят себя одеждою).

III. «Безобразиться» - безобразить себя, делаться безобразным (Тѣ Госпожи Актрисы, которым Пульхерию и Марью играть надлежало, не хотят в мужское платье наряжаться, и, по их словам, безобразиться).

IV. «Безобразный»-ѣйший, сравн. и превосх. 1. Отклоняющийся от должного, обычного вида; искаженный (Когда смотрим на ложку гладко

выполированную, то как с внутренней вогнутой так и от внешней выпуклой поверхности изображение бывает безобразно). || очень некрасивый, уродливый по внешнему виду. (<Есоп> не тобою был неволник, но и безобразнѣишии всѣх челоуѣк: бѣше бо горбат, кривошея, кривонос. У него была одна нога очень стройна, а другая крива и безобразна. Представь себѣ вид безобразный: власы растерзанные, лице изпещренное жжением, колонием и краскою). || Вызывающий неодобрение; неприемлемый, предосудительный. (Остроумное слово единожды только выговорено быть должно; ибо повторение их безобразно. Такое философствование было бы... безобразный и несходный с натурою челоуѣческих неповрежденных чувствований плод подлиннаго скудоумия). 2.Бесформенный, не имеющий определенной формы. (Там сперва родились челоуѣки. Также увидѣли свѣтъ, длятого что тѣ жаркие земли Солнцем скоряе могли оживить безобразную глину Растворенное тѣло без выпарения большую часть растворяющаго средства теряет, и особенныя части безобразное тѣло *Б. хаос. Колыбель вселенныя был безобразный хаос, устроенный по том вседѣйствующим гласом Зиждителя. || не имеющий зримаго облика, вида (о боге). (Безобразен есть бг, прост, не величествен [возрастом], не количествен, да не возмечтаеши образа о нем).

V. «Наибезобразнѣиший» (Что касается до горы, то была она тогда хотя наибезобразнѣишая, но довольно крутая).

VI. «Пребезобразный» (Из Обезьян преблагообразная, есть пребезобразная). Безобразно и (кн.-слав.) Безобразиѣ (<Нѣкие> не лѣно разкрывали уста, и кричали безобразно, терзали сами себе и бились в груди; О полиедрѣ, которое персону Е. И. В. Петра Втораго безобразнѣ изображенную весьма ясно показывает). Безобразность (Безобразность и нелѣпость нѣкоторых вымыслов <Ариоста>; Привычка нас заставляет находить украшением то, что сами с нѣкоторою отмѣною почитаем безобразностию) [Словарь русского языка XVIIIв., Т. I, 1984:181].

Таким образом, обзор словарных статей позволяет выделить 4 ведущих признака, представляющих понятие «безобразия»:

1. Внешнее безобразие человека и явлений действительности.
2. Внутреннее безобразие человека
3. Безобразие искусства и творчества
4. «Безобразное» может так же употребляться в смысле «не имеющий образа, вида».

Наиболее часто в романе «Тайна» А.П. Степанова встречаются проявления внешнего безобразия, внутреннего морального безобразия человека (безобразные поступки, мысли, слова), очень немного примеров безобразия в искусстве.

2.1. Эксплицитное выражение антонимичной эстетической ценности «Безобразия»

Антонимичная эстетическая ценность «безобразия» в тексте А.П. Степанова выражена и эксплицитно, и имплицитно. Эксплицитное выражение представлено в таких компонентах: «внешнее безобразие человека», «внешнее безобразие явлений действительности», «внутреннее моральное безобразие человека», «безобразие в искусстве».

Поле эстетической ценности в романе А.П. Степанова очень обширно. В ходе исследования были использованы контекстуальный и количественный методы, позволяющие рассмотреть максимальное количество контекстов (около 120) и единиц (примерно 150). Из них 25 контекстов и около 50 единиц выражены эксплицитно.

Ядро семантического поля – лексема «безобразие». В данном семантическом классе можно выделить 3 группы: «внешнее безобразие человека и явлений действительности», «внутреннее моральное безобразие человека»

(сюда относим безобразную картину глупостей и пороков человека) и «безобразия в искусстве».

Ядерная зона в данном произведении А.П. Степанова встречается только в 1 употреблении в группе «внешнее безобразие явлений действительности»: *По Петерговской дороге все дачи больше ничего, как груды пыли, безобразие дерев; но есть одна пребоольшая, заключающая в себе множество маленьких и одна маленькая, далее всех от дороги, похожа на что-нибудь* [Ч.I; стр.188].

В околоядерную зону входят слова с парадигматическими и деривационными связями – **уродство, ужас, гадость, чудовище, отвратительный, страшный, безобразный, безобразность, дьявольский**. Необходимо рассмотреть примеры из этой зоны по выделенным из словарей группам.

1. Внешнее безобразие:

А) Внешнее безобразие человека:

И вот Ольгу одели, причесали, ввели в зал и посадили на кресло. Через несколько времени Андамский вывел за руку чудовище. Это был какой-то бродяга лет двадцати восьми. Не выше пяти вершков, он имел ладонь шире четверти, руки длиною за колено и ноги как лыжи. Щетинистые волосы и красные глаза на выкат довершали гнусную его статъ [Ч.IV; стр 95]. – этот отрывок иллюстрирует безобразие внешнего вида человека. В эксплицитном выражении таких употреблений 3.

Б) Внешнее безобразие явлений действительности:

По длинными кривым улицам, Басенка привели, наконец, к реке Вахлюю, которая, протекая через Яссы, обдает отвратительным испарением своим все окрестности своих берегов. [Ч.III; стр. 35] – безобразие может быть не только визуальным, но и улавливаться другими органами чувств. Таких контекстов 3.

2. Внутреннее безобразие человека:

Зачемславский принадлежал к злодеям высшей степени. Насладясь во всей полноте живым чувством Фании, он сказал ей просто, наотрез, что женится на Приксовой. Ее слезы, рыдания, вопль, беспмятство Фании щекотали только его дьявольские ощущения [Ч.III; стр.168].

«Я чувствую всю мерзость моего положения. Меня осветило новое солнце и открыло потемки души моей. Фу! гнилое болото, наполненное отвратительными ядовитыми гадами — это душа моя!» [Ч.I; стр.168] — внутреннее состояния и качества героев вызывают отвращение и содрогание. Контекстов с таким употреблением встретилось 6.

3. Безобразие в искусстве:

В мистерии посвящались через испытание. Ежели сообразить предания о мистериях Египетских, о строгом порядке Пифагорейцев и описание поэтов о сошествии Аркуса, то из всего этого ясно можно заключить, что принимаемый находил в подземельях колодези ужасной глубины, в которые спускался по небольшим углублениям, проделанным в стенах колодезей. Павел Лукас, путешественник XVII-го столетия, видел еще такие колодези близ Фиф. Опустясь на дно, принимаемый пробегал длинные извивистые переходы, где встречал привидения и чудовища, под бесчисленными отвратительными видами, которых он должен был одолевать. Он встречал быстрые потоки и горящие костры, чрез которые пролегал ему необходимый путь. Издали слышался ему жалобный стон умирающих, иногда озарял его ослепительный свет, иногда погружался он в глубокую тьму. Словом, все было употребляемо, что может возмутить душу и представить смерть в различных видах; при малейшем же знаке слабости или страха, принимаемого увлекали в особые подземные отделения, где он осуждался проводить остаток дней своих. Жрецы, начальники мистерии полагали, что люди боязливые, нетвердые, нетерпеливые, не могли, не

только сохранять таинства, но и быть вообще полезны для света [Ч. III; стр. 133-134];

.....Но скажите пожалуйста, кто может любить гнусные сальные огарки, с нагорелыми светильнями, в которых вспыхнуло синее пламя от бумажной обертки у неопрятного подсвечника, озарило предметы в чудовищном виде и погасло с чадом?

Это собеседники Сусанны. Я не люблю такой картины [Ч. I; стр. 150-151]. – творчество не всегда вызывает всеобщее восхищение. Употребление таких контекстов встречается 3 раза.

На периферии поля находятся языковые единицы, которые имплицитно представляют антонимичную эстетическую ценность «безобразия».

2.2. Имплицитное выражение антонимичной эстетической ценности «Безобразия»

Имплицитный способ выражения антонимичной эстетической ценности отражен в таких контекстах, как «внешнее безобразие человека», «внутреннее безобразие человека», «безобразие поступков». С помощью количественного и контекстуального методов выявили около 20 контекстов и 100 единиц.

1. Внешнее безобразие человека:

Оскорбленная жена походила на сумасшедшую: её глаза вертелись в своих орбитах, нижняя губа закушена была верхними зубами, кулачки были сжаты, волосы в беспорядке. У Пешиковой глаза сверкали, как у змеи; зубы были стиснуты, ноздри раздувались, как у Персидской лошади [Ч. IV; стр. 67]; Внешнее безобразие человека: Глаза Андамского вертелись, губы дрожали. С трудом начал он говорить; пена стояла у рта, а брызги на целый аршин летели из пасти его [Ч. IV; стр. 109]; Через неделю нашли тело утопленницы, на ней платье все измаранное, а платок точно такой, какой был у Софы. Лица нельзя было узнать: оно все исказилось смертью и гниением; рост и волосы были похожи. Платок

принесен был на квартиру её госпожи потому, что дворовые люди признали тело утопленницы за тело Софы [Ч.I; стр.114] – и живой, и мертвый человек может быть безобразен. Контекстов внешнего безобразия не слишком много – 8.

2. Внутреннее безобразие человека:

Зачемславский не был некогда философом, даже языческим: он был просто беспечный прихотник, заносчивый буян и бессмысленный злодей [Ч.IV; стр.160]. Таких контекстов 25.

Сюда же мы относимся безобразную картину глупостей и пороков человека: Вечеслав и Татев вскочили с мест. Первый не мог равнодушно переносить грубости миистого невежества Пешкова, другой имел особенную причину [Ч.I; стр. 57-58].

3. Безобразие поступков:

Часто Ольга, по прихоти Андамского, принуждена была употреблять жесткую постель, грубую пищу, или вовсе голодать... [Ч.IV; стр.117]. Андамский с каждым днем становился глупее, злее, несноснее. В течении двадцати лет он беспрестанно мучил жену, дочь, людей и таким образом подвигался к могиле, с укоренившеюся ненавистью ко всем его окружавшим. Главная цель его безумных действий заключалась в том, чтобы завладеть 500 душами, принадлежащими жене его; выдать Ольгу замуж так, чтобы она была несчастлива и лишит её всего наследства. На этих предположениях путался он беспрестанно своим беспутным рассудком; нанял знатока поверенного и выжидал разных обстоятельств, чтобы можно было к чему-нибудь прицепиться; но жена его, в течении двадцати лет, вела себя, как алгел, как существо, которое готовилось своею невинностью и мужеством быть доступною небесных наград. В последнее время он дозволил себе все неистовства: он мучил дочь, как мы видели, потом стал бить жену, лишил её всякого дохода, который следовал даже ей с её прекрасного имения, лишил их всех средств заниматься любимыми занятиями:

чтением, рисованьем, шитьем, музыкой. Оставалось только, чтобы ему зашла в голову мысль уничтожить их. К счастью, эта мысль обуздывалась страхом, получить наказание за гробом. Страшный суд, написанный масляными красками, стоял у него в кабинете, и он часто поглядывал искоса на убийцу. Пользуясь его ПОНЯТИЯМИ о будущности, умный священник часто ему толковал, что убийство заключается не в том только, чтобы лишить жизни человека орудием или каким-нибудь другим средством, но в самом слове, и, указывая перстом на казнь убийцы страшного суда, прибавлял: точно то же бывает и с тем, кто убивает словом. При этом Николай Петрович морщил всегда лоб; иногда молчал, а иногда говорил священнику: вам бы лучше, батюшка, не мешаться в чужие дела; и когда смелый духовник напоминал ему о том, что поступки его с семейством противны Божью милосердию, то он бросался к образу, снимал его, целовал и отвечал: если бы они были противны, то святые иконы не потерпели бы их, а ты, батюшка, убирайся к себе домой [Ч.IV; стр.76-77]. – В похожих примерах нет конкретного описания безобразия, оно скрыто, понять его можно только из контекста. Таких примеров в тексте около 30.

Не малое количество употреблений понятия «безобразие» скрытого характера говорит о том, низменное, отвратительное, чудовищное в романе хоть и имеет место быть, но оно не так явно выражено как возвышенное, прекрасное, чистое, прелестное.

Есть такие контексты, где переплетаются «красота» с «безобразием», прекрасное с ужасным: *я вижу, что брожу в каких-то подземельях между гробами и разбросанными костями человеческими. Один гроб, без крышки, стоял на камне большом, плоском, выдавшемся. Я подхожу к гробу: в нем лежит она бездыханная, обмертвелая. Кожа присохла к костям; глаза темнеют в ямах своих; губы срослись; руки сцеплялись на груди. Она засыпана была гнилушками от гроба полусогнившего. — Могильный запах поражает мое обоняние. Мне хотелось, сколько можно было, очистить приют бранных остатков, и я вынул*

из него труп моего друга и положил на камне. Я сорвал мох и наросты со стен гроба; обмел, выкинул гнилушки и обтер сырость платком своим. Постель готова. Ложись в нее, милый друг мой! сказал я, и поднял труп на руки. Я почувствовал отзыв лесной фиалки. Гляжу - мертвая смотрит на меня и улыбается, полна жизни, и небесных и земных прелестей; она смотрит на меня и льется в меня своими взорами.

.....Она улыбалась; но как изъяснить её улыбку? Она улыбалась, как дитя, на коленях нежной матери, когда она пальчиками своими щекочет щечки его; но в глазах дитяти не бывает отпечатка прошедших, сладостных воспоминаний, которые одушевляли глаза моей Раисы. – в этом контексте смешались жизнь и смерть, красота и ужас. Показан мертвый, полусгнивший человек с детской прекрасной улыбкой, могильный запах перебивает аромат лесной фиалки, живой человек встречается с умершим.

Состояние человека может быть тоже неоднозначным, в одно и то же время могут бороться противоположные ощущения:

Ему казалось, что он уснул, что видит во сне спор воды с огнем; что пламенное солнце весны припекает землю и гонит с гор оставшиеся снега, что они ручьями с шумом падают на долину; что ему тепло и холодно. Ему казалось, что он в Инквизиции, что ему голову пригибают к спине, что спину переламывают назад, что все члены его порознь вытягивают и крутят веревками, что они наливаются кровью, раздуваются, костенеют. Но сильное стелание в груди, трепетание сердца, сухость во рту заставляют его опомниться. Нет, думает он, это бред, ужасный бред! [Ч.1; стр.35].

Смыслы в контекстах могут перекликаться, т.е. один контекст может вмещать в себя несколько смыслов (например, безобразие поступков и внутреннее безобразие, внешнее безобразие и внутреннее безобразие).

Примеров контекстного употребления «безобразия» в романе А.П. Степанова заметно меньше, чем контекстов «красоты». Причем эстетическая

ценность «красота» в основном находится в эксплицитном выражении, а антонимичная ценность «безобразии» – в имплицитном.

Автор показал то, что есть и прекрасная сторона жизни, и обратная ее сторона. Подчеркивая более явно красоту, А. П. Степанов приоткрывал безобразную грань действительности, но делал это не так часто и открыто.

Заключение

Слова «красота», «безобразие», «восхищение», «отвращение», «прекрасное», «ужасное» находятся сегодня в активном лексиконе почти каждого человека. Помимо обыденного употребления, эти понятия имеют и другие, не совсем привычные в наше время, толкования. Сущность этих терминов осмысливается и в наше время, осмыслялась и до нас.

Для того чтобы понять, насколько схожи или различна сущность понятия «безобразие» в настоящую и прошедшую эпоху, мы выбрали для исследования термины «безобразие», решив проследить его на примере романа 1838 года автор, которого не известен широкой аудитории.

В ходе данной исследовательской работы перед нами была поставлена цель, согласно которой мы должны были провести анализ реализации эстетической ценности «безобразия» в романе А. П. Степанова «Тайна» в языке XIX века.

Чтобы достигнуть цели, нами были поставлены следующие задачи: изучить теоретический материал по теме; выявить явное и скрытое языковое выражение эстетической ценности «безобразия», соотнеся эти способы со структурой лексико-семантического поля; сопоставить выявленные контексты, определить частотность способов выражения эстетической оценки.

На основе проведенного нами исследования по теме мы постарались решить поставленные задачи и для этого предприняли следующее:

1. В работе над первой задачей мы изучили словари XIX века, труды таких ученых, как Арутюнова Н.Д., Бычков В.В., Караулов Ю.Н., Апресян Ю.Д., Ахманова О.С., Кронгауз М.А., Щур Г.С., Филин Ф.П., Шмелев Д.Н. и других, которые занимались интересующими нас вопросами. Кроме того, мы просмотрели современные словари, и итогом этой деятельности послужил вывод о том, что не во всех словарях толкования слов совпадают, но, в основном, они схожи. Так, в словаре древнего славянского языка, составленного по Остромирову Евангелию и в словаре языка Пушкина в слове «безобразный»,

можно встретить толкование 'не имеющий образа, незримый; бесформенный, без определенных очертаний, неясный, смутный' в современных словарях такого объяснения слова нет.

2. Для разрешения второй задачи мы (с помощью контекстуального и количественного анализа, метода сплошной выборки) выявили из текста максимальное количество контекстов и языковых единиц, обнаруживая способ их выражения – эксплицитный или имплицитный. Выяснилось, что эстетическая ценность «безобразия» в тексте показана не только в явном смысле, но и в скрытом. Явный смысл обнаруживался в ядре лексико-семантического поля «Безобразия» и околоядерной зоне, а скрытый смысл находился в периферийной зоне семантического поля лексемы «безобразия».

3. По ходу работы над третьей задачей мы посчитали все выявленные контексты и единицы, которыми выражалась эстетическая ценность «безобразия», способы её воплощения и сделали вывод о том, что в исследуемом тексте наиболее часто встречается имплицитный способ выражения эстетической ценности «безобразия» (83 единицы в 90 контекстах), а реже всех встречается эксплицитный способ выражения антонимичной эстетической ценности «безобразия» (50 единиц в 25 контекстах).

В процессе исследовательской работы мы выяснили, что на протяжении всего романа «Тайна» А. П. Степанова происходит раскрытие смыслов, выраженных в эстетической ценности «безобразия». Она воплощена в тексте посредством различных языковых элементов, которые входят в лексико-семантическое поле лексемы «Безобразия». Кроме того, мы отметили, что языковое выражение «безобразия» может быть не только открытым, явным – эксплицитным, но и скрытым – имплицитным.

Список используемой литературы:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, т.1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995
2. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
4. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб., 1984.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
6. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. – М.: книжный дом «Либроком», 2010.
8. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
9. Борев Ю. Б. Эстетика. Изд. 2-е, 1975.
10. Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979.
11. Бондарко А. В. К теории поля в грамматике. // Вопросы языкознания. М., 1972. № 3.
12. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
13. Большой академический словарь русского языка. Т. 1. М., «Наука», 2004.
14. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы. Под. Ред. Л. Г. Бабенко. – 2-е изд., стер., - М., АСТ – ПРЕСС КНИГА., 2005.
15. Буткевич О. Красота. Природа. Сущность. Формы. Ленинград, 1979.

16. Бычков В. В. Эстетика. Изд. 2-е, перераб. И доп. – М.: Гардарики, 2006.
17. В. В. Бычков В. В. Эстетика. Краткий курс. – М., Проект, 2003.
18. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
19. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., Рус. яз. 1993.
20. Долгих Н.П. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филолог.науки. 1973, № 1.
21. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., Едиториал УРСС, 2002.
22. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
23. Карнап Р. Значение и необходимость. – М., 1959.
24. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М., 1988.
25. Козлова М. С. Аналитическая философия // История философии: Запад – Россия – Восток. – М., 1998.
26. Краткий словарь по эстетике. М., 1983.
27. Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (К постановке проблемы). – М., 1972.
28. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000.
29. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. И доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
30. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
31. Малый энциклопедический словарь. Т. 3. Изд. Центр «Терра», М., 1997.
32. Новый словарь русского языка. Толково - словообразовательный. М., под ред. Т. Ф. Ефремова. Изд. «Русский язык». Т. 1.2000.
33. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.

34. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: Способ представления мира. М., 1990.
35. Самохвалова В. И. Безобразное: от феноменологии явления к методологии его идентификации. М., 2010.
36. Селищев А. М. Труды по русскому языку. Язык и общество. Т. 1. – М., 2003.
37. Словарь языка Пушкина. М., 2000.
38. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. М., 1814.
39. Словарь русского языка XI – XVIIв. 1981.
40. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию. 1899.
41. Словарь синонимов русского языка. Т. 1. Под ред. А. П. Евгеньевой. Ленинград, «Наука», 1970.
42. Словарь-справочник «Человек и общество». Философия. – Рост.-н.-Дону, 1996.
43. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов. М., 1957.
44. Философская энциклопедия. М., «Советская энциклопедия». 1970.
45. Философский энциклопедический словарь. М., 2004.
46. Фрумкина Р. М. Семантика и категоризация. – М., 1991.
47. Шаховский В. И. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности // Общество, язык и личность: Материалы Всерос. научн. конф. (Пенза 23-26 октября 1996) – М., 1996.
48. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
49. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: «Наука», 1974
50. Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – Вып. 4 [Текст]/ Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская. М.: ИФ РАН, 2010.

Используемые источники

1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1- и др.– М.: ИРЯРАН, 1994–1996.
2. Базовые ценности россиян: социальные установка. Жизненные стратегии. Символы. Мифы/ отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш.– М.: Дом интеллектуальной книги, 2003–448с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В.Н. Телия. М., 2006
4. Большая советская энциклопедия [Текст] / Под ред. А.М. Прохорова.– М.: Сов.энциклопедия, 1978.– Т. 30.– 632 с.
5. Большой толковый психологический словарь в 2 томах. Т. 1. А – О [Текст] / Подред. А. Ребера.– М: АСТ, 2001.– 590 с.
6. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. [Текст] / Гл. Ред. В.Н. Ярцева.– 2-е изд.– М.: Большая Российская энциклопедия, 1998
7. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. 578 с.
8. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Рус. яз., 2003.– 211 с.
9. Еникеев М.И. Общая социальная и юридическая психология. Краткий энциклопедический словарь [Текст] / М.И. Еникеев, О.Л. Кочетков– М.: Юрид.лит., 1997.– 448 с.
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный в 2-х т. [Текст].– М.: Русский язык, 2000.– Т. 1.– 1209
11. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: Около 1200 пословиц и поговорок. 4-е изд. Испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991.– 534 с.

12. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М., 2008.– 736 с.

13. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. М., 2008.– 590 с.

Эксплицитное выражение антонимичной эстетической ценности «Безобразие»

№ 1. Он устремил глаза на бледное лицо его и погрузился в думу глубокую, мрачную. Проклинаю тебя, мыслил он, минута **страшная**, когда сатана упал на сердце мое и облек его пламенем своей гордости! Какое чародейное увлечение! продолжительное безумие! отыскивать средств сообщить мужественность ребенку, чтоб он превзошел ею сына моего соседа. Какая **адская** радость, когда представился, но моему мнению, случай совершить мое предположено! Ах! Даша! Даша! что с тобою будет? бедная, обиженная мною мать и жена! О! да, да! я хуже разбойника, я ограбил тебя, женщина безотрадная. **Убийца сына, игрушка сатаны, глупец, посмеяние живых и мертвых...** [Ч.І; стр.23-24].

№ 2. Паненька родилась, и в ней все **противное** [Ч.І; стр.41].

№ 3. Богатство много делает. Кто осмелится против этого тельца золотого, идола **всесветного?** но я видал их, богачей, хуже всякого нищего. У последнего до того пятен на платье, дыр на дыре, что их как-то уже незаметно; а там, где все блещет и пестреет, заметна всякая пылинка. Я видал богачей **неопрятных, безвкусных, отвратительных;** следственно не все зависит от богатства [Ч.І; стр. 92].

№ 4. «Какая **ужасная** картина, сказал он ему; надобно, чтоб природа действовала со всею силою, чтобы принудить мыслящее существо предаться влечению своего желания» [Ч.І; стр. 98].

№ 5. Я не скажу этого потому, что не могу никогда смотреть без **отвращения** на картину Сусанны, какой бы мастерской кистью она ни была написана [Ч.II; стр. 150].

№ 6. Но скажите пожалуйста, кто может любить **гнусные** сальные огарки, с нагорелыми светильнями, в которых вспыхнуло синее пламя от бумажной обертки у **неопрятного** подсвечника, озарило предметы в **чудовищном** виде и погасло с чадом? [Ч.II; стр. 151].

№ 7. . Быстро неслись по тротуарам ночные красавицы: пурпуровые лица их, нетвердая походка, посоловелые глаза, беспорядок одежды, все доказывало, что они спешили в приют **ужасных** вертепов своих, где едва ли достанется им забыться сном покойным? [Ч.I; стр. 161].

Имплицитное выражение антонимичной эстетической ценности «Безобразие»

Он был счастлив, а еще более, когда узнал, что переплетчик уехал в Ригу, мать несчастной девушки умерла, а сама Гретхен сидит в доме лишенных ума. Все чисто и гладко [Ч.II; стр. 7] - моральное безобразие человека.

В губернском городе был купец зажиточный, второй гильдии. У него не было родных, жена умерла; что хотел, то и делал. Борода у него была клином, седая; лицо как малина; сам худенький, тоненький, в два аршина ростом и дурак дураком [Ч.II; стр.98].

1. Внешнее безобразие человека:

Оскорбленная жена походила на сумасшедшую: её глаза вертелись в своих орбитах, нижняя губа закушена была верхними зубами, кулачки были сжаты, волосы в беспорядке. У Пешковой глаза сверкали, как у змеи; зубы были

*стиснуты, ноздри раздувались, как у Персидской лошади [Ч.IV;стр.67]; Внешнее безобразие человека: **Глаза Андамского вертелись, губы дрожали. С трудом начал он говорить; пена стояла у рта, а брызги на целый аршин летели из пасти его** [Ч.IV; стр.109];Через неделю нашли тело утопленницы, на ней платье все измаранное, а платок точно такой, какой был у Софьи. Лица нельзя было узнать: оно все **искажилось смертью и гниением; рост и волосы были похожи. Платок принесен был на квартиру её госпожи потому, что дворовые люди признали тело утопленницы за тело Софьи** [Ч.I; стр.114] – и живой, и мертвый человек может быть безобразен. Контекстов внешнего безобразия не слишком много - 8.*

2. Внутреннее безобразие человека:

Зачемславский не был некогда философом, даже языческим: он был просто беспечный **прихотник, заносчивый буян и бессмысленный злодей** [Ч.IV; стр.160]. Таких контекстов 25.

Сюда же мы относим безобразную картину глупостей и пороков человека: *Вечеслав и Татев вскочили с мест. Первый не мог равнодушно переносить **грубости мшистого невежества** Пешкова, другой имел особенную причину* [Ч.I;стр.57-58] .

3. Безобразие поступков:

*Часто Ольга, по прихоти Андамского, **принуждена** была употреблять жесткую постель, грубую пищу, или вовсе голодать...*[Ч.IV; стр.117]. Андамский с каждым днем становился **глупее, злее, несноснее**. В течении двадцати лет он **беспрестанно мучил** жену, дочь, людей и таким образом подвигался к могиле, с **укоренившеюся ненавистью** ко всем его окружавшим. Главная цель его **безумных действий** заключалась в том, чтобы завладеть 500 душами, принадлежащими жене его; выдать Ольгу замуж так, чтобы она была несчастлива и лишит ее всего наследства. На этих предположениях путался он

беспреданно своим беспутным рассудком; нанял знатока поверенного и выжидал разных обстоятельств, чтобы можно было к чему-нибудь прицепиться; но жена его, в течении двадцати лет, вела себя, как алгел, как существо, которое готовилось своею невинностью и мужеством быть доступною небесных наград. В последнее время он дозволил себе все **неустройства**: он мучил дочь, как мы видели, потом **стал бить** жену, лишил её всякого дохода, который следовал даже ей с ея прекрасного имения, **лишил** их всех средств заниматься любимыми занятиями: чтением, рисованьем, шитьем, музыкой. Оставалось только, чтобы ему запала в голову мысль **уничтожить** их. К счастью, эта мысль обуздывалась страхом, получить наказание за гробом. Страшный суд, написанный масляными красками, стоял у него в кабинете, и он часто поглядывал искоса на убийцу. Пользуясь его ПОНЯТИЯМИ о будущности, умный священник часто ему толковал, что убийство заключается не в том только, чтобы лишить жизни человека орудием или каким-нибудь другим средством, но в самом слове, и, указывая перстом на казнь убийцы страшного суда, прибавлял: точно то же бывает и с тем, кто убивает словом. При этом Николай Петрович морщил всегда лоб; иногда молчал, а иногда говорил священнику: вам бы лучше, батька, не мешаться в чужие дела; и когда смелый духовник напоминал ему о том, что поступки его с семейством противны Божию милосердию, то он бросался к образу, снимал его, целовал и отвечал: если бы они были противны, то святые иконы не потерпели бы их, а ты, батька, убирайся к себе домой [Ч.IV;стр.76-77]. – В похожих примерах нет конкретного описания безобразия, оно скрыто, понять его можно только из контекста. Таких примеров в тексте около 30.

Не малое количество употреблений понятия «безобразие» скрытого характера говорит о том, низменное, отвратительное, чудовищное в романе хоть и имеет место быть, но оно не так явно выражено как возвышенное, прекрасное, чистое, прелестное.

Есть такие контексты, где переплетаются «красота» с «безобразием», прекрасное с ужасным: *я вижу, что брожу в каких-то подземельях между гробами и разбросанными костями человеческими. Один гроб, без крышки, стоял на камне большом, плоском, выдавшемся. Я подхожу к гробу: в нем лежит она бездыханная, обмертвелая. Кожа присохла к костям; глаза темнеют в ямах своих; губы срослись; руки сцеплялись на груди. Она засыпана была гнилушками от гроба полусогнившего. — Могильный запах поражает мое обоняние. Мне хотелось, сколько можно было, очистить приют бранных остатков и я вынул из него труп моего друга и положил на камне. Я сорвал мох и наросты со стен гроба; обмел, выкинул гнилушки и обтер сырость платком своим. Постель готова. Ложись в нее, милый друг мой! сказал я, и поднял труп на руки. Я почувствовал отзвук лесной фиалки. Гляжу - мертвая смотрит на меня и улыбается, полна жизни, и небесных и земных прелестей; она смотрит на меня и льется в меня своими взорами.*

.....Она улыбалась; но как изъяснить её улыбку? Она улыбалась, как дитя, на коленях нежной матери, когда она пальчиками своими щекочет щечки его; но в глазах дитяти не бывает отпечатка прошедших, сладостных воспоминаний, которые одушевляли глаза моей Раисы. – в этом контексте смешались жизнь и смерть, красота и ужас. Показан мертвый, полусгнивший человек с детской прекрасной улыбкой, могильный запах перебивает аромат лесной фиалки, живой человек встречается с умершим.

Состояние человека может быть тоже неоднозначным, в одно и то же время могут бороться противоположные ощущения:

Ему казалось, что он уснул, что видит во сне спор воды с огнем; что пламенное солнце весны припекает землю и гонит с гор оставшиеся снега, что они ручьями с шумом падают на долину; что ему тепло и холодно. Ему казалось, что он в Инквизиции, что ему голову пригибают к спине, что спину переламывают назад,

что все члены его порознь вытягивают и крутят веревками, что они наливаются кровью, раздуваются, костенеют. Но сильное стенание в груди, трепетание сердца, сухость во рту заставляют его опомниться. Нет, думает он, это бред, ужасный бред! [Ч.І; стр.35].